

Медаль. — 1892. — июль (27). — с. 10.

Сто лет прошло, как появился этот дневник. Много десятилетий

покоится он в хранилище архива, откуда его изредка извлекают

по просьбе биографов Чехова. И снова на покой. Между тем стоит

перечитать его внимательней.

Судя по всему, он не осознавал, что один из его сыновей гениален. Павел Егорович Чехов до конца жизни сожалел, что Антоша, как он его называл, занялся литературным трудом, вместо того чтобы лечить богатых пациентов, получать большие гонорары и профессорствовать в московских клиниках. Как бы забыв, что меликовский дом куплен на литературный заработок сына, он не отказывал себе в удовольствии порезонерствовать перед домочадцами о превосходстве людей, пусть необразованных, но умных, над образованными, но не очень дальновидными, не умеющими жить.

В такой момент Павел Егорович Чехов, семидесятилетний старик, живший теперь на покое, наверно, искренно забывал свою незадачливую торговлю, банкротство, бегство с семьей из Таганрога, нищее прозябание, окончившееся только с переездом в Москву А. П. Чехова, почти сразу ставшего главным кормильцем семьи. В Мелихове, куда семья переехала 1 марта 1892 года, П. Е. Чехов, в соответствии со своей артистической натурой и непреклонным характером, вдохновенно играл роль «хозяина». Играл, не замечая того, для одного себя, потому что работники, прислуга и меликовские крестьяне знали, кто на самом деле все решает в доме. Осенью того же года, описывая старшему брату возвращение отца из столицы, Чехов набросал такую картинку из деревенского быта: «В Петербурге он набрался сияния и важности, держит себя прилично и вчера за обедом, когда ему доложили, что пришел сапожник Егорка, он сказал: «Пусть подождет. Господа кушают».

мы. 2. Дождь идет. На домашнем пруде мостик сделан. 3. Дождь всю ночь».

И так из года в год. Но, вчитываясь в записи, не пропуская ни единой, постепенно понимаешь, что это не совсем обыкновенный документ, пожалуй, не менее содержательный, чем ошеломляющие публикации последних лет.

РОССИЮ ЛИХОРАДИТ. Униженный и оскорбленный «маленький человек» живет сиротой на родной земле. Разговоры крупных политиков, государственных деятелей масштабы, глобальны, почти всемирны. Запросы новых миллионеров, людей большого калибра и мощного полета, всеядны и беспредельны. А что же «средний» русский человек? Тот самый, что, подобно П. Е. Чехову, всегда жил и живет насыщенной, неотложной заботой о хлебе, картошке, дровах, тепле и свете в доме? Для которого государственные события столь же важны, как перемены в погоде и отел домашней скотины,

былое

МЕЛИХОВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

У СЕБЯ В КОМНАТЕ П. Е. Чехов вел дневник. Трудно сказать, что натолкнуло его на эту мысль. Он, правда, всегда был склонен к письменному закреплению своих мыслей и соображений. Особенно насчет моральных правил и образа жизни. Но дневник?

Известно, что отец Чехова любил читать газеты и французские бульварные романы. Но, кажется, никто из мемуаристов не упоминает, читал ли он пушкинскую «Историю села Горюхина». Поэтому приходится просто отметить интересное совпадение. Перечисляя источники, послужившие к составлению одного труда, пушкинский повествователь упоминает летопись своего прадеда Андрея Степановича Белкина и аттестует его так: «Она отличается ясностью и краткостью слога, например: 4 мая. Снег. Гришка за грубость бит. 6—корова бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8—погода ясная. 9—дождь и снег...»

Вот некоторые из первых записей в меликовском дневнике П. Е. Чехова: «12. Воскресенье. Был мороз и снег»; «16. Лед растаял в пруде»; «30. Прохладно. В ожидании мороза». Сходство записей поразительно. Но еще удивительнее примечание пушкинского повествователя к прадедовской летописи: «Остальные 35 частей писаны разными почерками, большею частью так называемым лавочничьем с титлами и без титлов, вообще плоховито, несвязно и без соблюдения правописания. Кой-где заметна женская рука». Все словно угадано, предвосхищено другим русским гением: и почерк, и орфография, и даже вмешательство женской руки. Когда П. Е. Чехов отправлялся в гости или на богомолье, дневник вели гости Т. Л. Щепкина-Куперник, М. Т. Дроздова, иногда дочь. А чаще других сын, А. П. Чехов.

Поначалу сын явно пародирует стиль отца: «Баран прыгает. Марюшка радуется». Или: «Мамаше снился гусь в камиллавке. Это к добру. Больна животом Машка. Зарезали свинью». С годами подражание становится добродушнее, а стиль неотличимее: «Утро пасмурно. Полдень тоже, +15. Сеют клевер. Приехал Ваня с семьей». Отец меликовского землевладельца, в прошлом лавочник, вел свою летопись, как и горюхинский помещик, плоховито. День за днем, месяц за месяцем. Год за годом.

У ЭТОГО ДОКУМЕНТА страшная судьба. Дневник известен специалистам. Небольшие фрагменты его давно опубликованы. Отдельные фразы, например, «пиона расцвела», стали хрестоматийной цитатой в рассказах экскурсоводов об отце Чехова. Но целиком дневник никогда не публиковался. К нему обращались, чтобы уточнить какую-то дату, встречу Чехова с тем или иным гостем, заглянувшим в Мелихово. Как таковой в целом, дневник, можно сказать, никого не интересовал. Мол, велся он человеком, вошедшим в историю только потому, что был отцом гениального писателя.

Вообще о самом Чехове, его родных и близких живут и бытуют многочисленные легенды. Павел Егорович в этом смысле не исключение. Чтобы облик его предстал в истинном свете, лучше всего, может быть, внимательно, не спеша прочесть письма Антона Павловича.

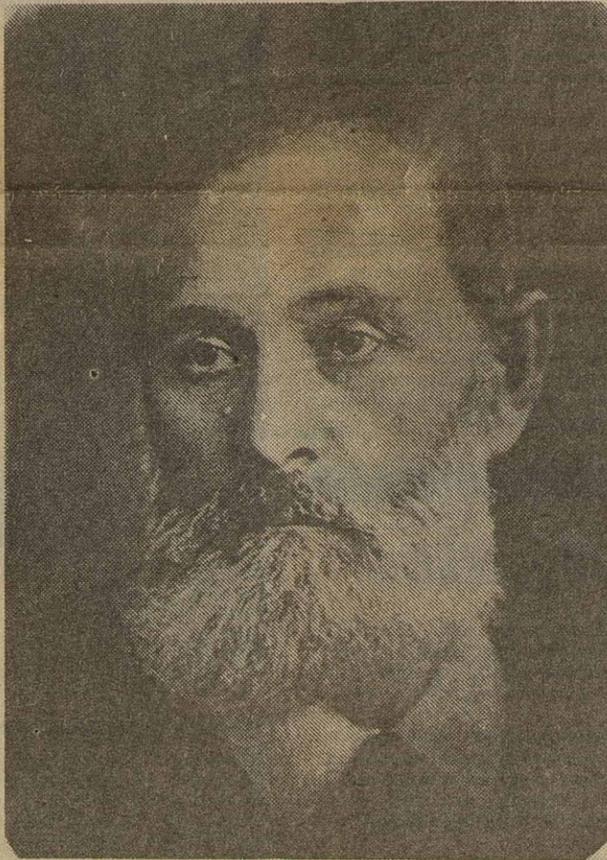
Каким видится в них его отец? Чадолобивым и одновременно безжалостным в следовании своим заповедям, порой даже вопреки здравому смыслу и интересам детей. Страшившимся всякого начальства и вместе с тем пытавшимся всю жизнь сохранить свое достоинство. Придававшим огромное значение внешним знакам отличия, вроде орденов, чинов, общественных поощрений, и в то же время мало ценившим ласковое слово ближнему, мнение людей от него зависящих или в его глазах незначительных.

Можно ли наблюдения и отзывы Чехова свести к мнению, высказанному в одном из его писем: «Отец мой до конца дней своих останется тем же, чем он был всю жизнь, — человеком среднего калибра, слабого полета». Это определение прозвучало в письме к А. В. Суворину, что немало важно: Чехов всегда держал в уме личность своего корреспондента. Рядом с Сувориным его отец, конечно, казался «средним» человеком. Оба они начинали в провинции, вышли из бедняков. Но добились разного. П. Е. Чехов — несостоявшийся купец, всего лишь ревностный читатель газет. Суворин — миллионер, издатель крупнейшей российской газеты, организовавший в Петербурге свой театр.

Лишь одно было теперь общее в образе жизни этих двух людей: оба вели дневник. Один, суворинский, давно издан. А чем может быть интересен второй современному читателю, который, кажется, вот-вот пресытится документальными шоковыми публикациями о гражданской войне, о концлагерях, ссылках, тюрьмах, о частной жизни известных политиков, писателей, деятелей прошлого и настоящего?

Вот записи июня 1893 года: «1. Дождя нет. Все сохнет. Яровые плохи. 2. Новолуние. Ночью 2 градуса холода. Рожь начинает колоситься. 3. Прошел дождь с Юго-Запада порядочный, в Огороде все посадили и посеяли. Дождь шел всю ночь. Саша и Ваня приехали. 4. Дождь промочил землю хорошо. Есть надежда на поправку яровых. Пиона расцвела».

Спустя год: «1. Дождь. Весь день. Навоз возят. Иваненко уехала. в Су-

ремонт построек, новая печь или новая лампа. П. Е. Чехов, например, в одной строке, через запятую писал о коронации государя и о посадке картошки.

Вероятно, одна из глубинных бед нынешнего времени состоит в том, что планы, проекты, споры политиков, военные конфликты, разразившиеся и возможные, безумные очереди — все отводит взгляд «среднего» человека от того, чем он живет. От земли, от неба, от близкого человека. Тогда как только этот взгляд врачует душу, притягивая завтрашний день.

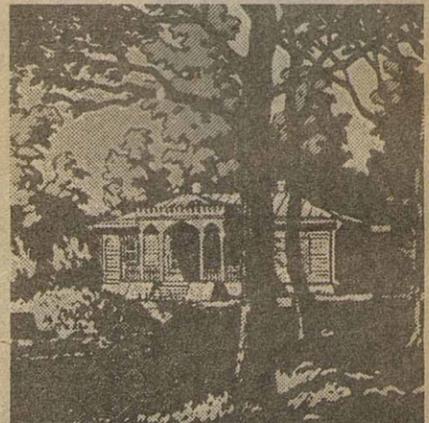
Нескончаемую череду дней и дел могла оборвать только смерть. От болезни, несчастного случая или от преклонного возраста. Во все остальное время она тянулась и тянулась. Но не была скучной, надоедливой. Она значила все. Недаром все слова, важные, с точки зрения П. Е. Чехова, такие, как Рожь, Солнце, Дождь, Корова, Овца, он писал чаще всего с большой буквы.

КТО-ТО ИЗ БУДУЩИХ читателей дневника, видимо, изумится. К Чехову приезжают писатели, актеры, а в дневнике отца только сам факт приезда. За обедом, конечно, велись интереснейшие

разговоры. Приезжие, земские врачи, учителя, московские издатели, петербургские литераторы, рассказывали, что происходит в уезде, в Москве, в столице, в России. Но Павел Егорович все оставляет за рамками своего дневника. У него собственное представление о значимом и второстепенном.

Апрель 1896 года. «3. Утро — 7. Скворцы вчера прилетели. Ясный день. В Полдень в тени +4, на солнце +18. Вода идет в пруд мало. Антоша не ужинал».

Никто и никогда теперь не узнает, догадался ли отец, что сын не ужинал, потому что был болен. Весна всегда обостряла его главную болезнь. Особенно с таянием вешних вод. По этому дневнику метеорологи узнают, какая погода была в Средней России в девяностые годы прошлого века. Экономисты подтверждают по цифровым выкладкам П. Е. Чехова то, что было очевидно для его сына: имение убыточно, обречено на отживание, как бы ни билась его владельцы. Филологи поразятся поэтичности, образности языка П. Е. Чехова и будут правы, наверно, связывая дар его гениального сына с несомненным чутьем Павла Егоровича Чехова к русскому слову. В одной строке он порой

давал целую картину: «Лунная ночь и звезды. Срывается снег, дождь и крупа»; «Иней на деревьях бриллианты»; «Деревья все оделись в зелень, благодать дал Бог»; «Солнце светит как через стекло»; «Кукушка кричала. Лягушки начали тюрюкать в пруду». Он находил точные эпитеты — «полусолнечный день», «сыропасмурно», «склонно к дождю», «вечер замечательно тихий».

Конечно, рядом с письмами Чехова этих лет записи П. Е. Чехова эпически спокойны и философски ясны: день прожит в трудах, беде и невзгоды сегодня миновали Мелихово. Значит, надо поблагодарить Бога! И не искушать судьбу излишним роптанием, несправедным гневом. Да, духовная и творческая жизнь сына и всех детей ускользнула от отца. Но стоит ли глубокомысленно рассуждать об этом?

Будем признательны этому дневнику за то, что в нем нет ни одной строки ненависти. Его вел человек, словно почувствовавший на склоне лет, как чуден мир, из которого вскоре придется уходить. П. Е. Чехов считает дожди, упавшие на землю после зимы, замечает, на ущербе луна или нет, был ли восход ясен, а закат облачен, звездная или темная ночь заглядывает в окна его комнаты-кели.

СКАЖУТ, хорошо ему было всматриваться в окружающий мир, подсчитывать меры и пуды, замечать, насколько прибавился день, если все делали работники. И он не приходил в свою келью изможденный тяжким крестьянским трудом или физической усталостью, как Чехов, занятый лечением крестьян, постройками школ, бесконечными земскими делами.

Во-первых, П. Е. Чехову в меликовские годы уже было за семьдесят. И спросим себя, часто ли мы в молодости и праздности замечаем то, что видел этот старик. Во-вторых, лентяем он никогда не был. В Мелихове постоянно то чистил дорожки, то копался в саду, то распорядился по хозяйству. Он и умер от своего природного усердия. Осенью 1898 года отправляли книги. Павел Егорович поднял тяжелый ящик (наверно, был недоволен, как это сделали другие) и надорвался. Пока распознали, отвезли в Москву, прооперировали — было поздно.

Получив печальное известие, Чехов писал из Ялты: «Грустная новость, совершенно неожиданная, опечалила и потрясла меня. Жаль отца, жаль всех вас... Мне кажется, что после смерти отца в Мелихове будет уже не то житье. Точно с дневником его прекратилось и течение меликовской жизни».

Кому-то дневник П. Е. Чехова, вероятно, покажется обыкновенным, заурядным. Но только не тому, кто волнуется в голос «среднего» русского человека, в голос, долетевший из давней эпохи.

Алевтина КУЗИЧЕВА.